
Пусть всегда сбываются
Надежды и мечты.
Пусть солнце улыбается,
И будешь счастлив ты.

Пусть небо будет яркое,
И радость в дом войдёт.
И лучшими подарками
Нас встретит Новый год.

Для бабушки — косыночку.
Духи для мамы в дар.
А мне — морскую свиночку.
А папе — портсигар.

Пусть солнце светит яркое,
Чтобы весна пришла,
Ведь лучшего подарка я
Не жду и не ждала!

Мама горько зарыдала.
Папа молча закурил.
Дядю Юру я не знала.
Знала, что поэтом был.

Чем же мне утешить маму?
Надо будет ей сказать,
Что и я поэтом стану,
Буду книжки сочинять.

Ну, а если — всё же, всё же! —
Бог не даст таланта мне,
То читателем хорошим
Я сумею стать вполне.

ЗА ГРИБАМИ

Я вчера сказала маме:
«Не сходить ли за грибами?
Или лучше подождём,
Чтоб не мокнуть под дождём?»

Утром вновь сказала маме:
«Может, сходим за грибами?..»
«Нет, — сказала мама строго, —
Подождём ещё немного!..»

У грибов свои порядки —
Поутру грибная рать
С грибниками любит в прятки
После дождичка играть.

Вот чуток просохнут кочки,
Солнце высушит росу,
И объявятся грибочки
Под деревьями в лесу.

Рыжик, скрипица, горькушка,
Груздь, белянка, зеленушка,
Шампиньоны и свинушки,
Сыроежки и волнушки.

Хороши грибы в сметане —
Убедитесь в этом сами!

ПАСХА

Настала Пасха — день счастливый.
Мы в церковь куличи несём.
Корицей пахнет и ванилью,
Сирень бушует за окном.

Народ у храма прибывает.
Все улыбаются вокруг.
Куличик словно предлагает:
— А ну-ка съешь меня, мой друг!..

Но я не съем тебя, куличик,
Покуда ты не освящён...
И заглушает пенье птичек
Высокий колокольный звон.

Я иду по солнечному лугу,
И на сердце у меня легко.
Я нарву букет ромашек другу.
Он сейчас от луга далеко.

Будет мой букет ему подарком,
И на сердце станет веселей
От цветов моих душистых, ярких,
От весёлых солнечных лучей.

Вдоль пруда гуляют важно утки,
Облака плывут, к себе маня.
Я нарву для друга незабудки,
Пусть не забывает он меня!

Листья наземь опадали,
Под ногой у нас шурша.
Мы тогда ещё не знали,
Что у листьев есть душа.

И шептались, и шуршали,
И, тоскуя о тепле,
Каждой жилкой припадали
К милой матушке-земле.

Только мать-земля не знала,
Как спасти от ветра их.
Жгучий ветер умоляла,
Чтоб скорее он затих.

Ну а ветер непокорный,
Не желая ей помочь,
Деловито и упорно
Гнал листву из парка прочь.

ВETERАНУ

Я долгое время жила и не знала,
Что рядом со мной проживает герой.
Обычный герой по фамилии Павлов —
Великой войны фронтовой рядовой.

Звала его в детстве я дедом Илюшей.
Потом его стала по отчеству звать.
Рассказы его интересно мне слушать —
Умел он Россию в бою защищать!

Голодный, худой, замерзал он в окопах.
В атаку вставал из последних он сил.
Не только Россию, но даже Европу
От злобных фашистов он освободил.

Ходил он в разведку в ненастные дали,
Где пули стальные без промаха бьют...

Награды его — ордена и медали —
Сверкают теперь, как победный салют!

ПРОЩАНИЕ С ДЕТСТВОМ

Глоток последний детской жизни.
Хочу я время обмануть.
Смотреть на жизнь сквозь блики призмы
Ушедших лет в далёкий путь.

Что детство в прошлом оставляет?
Любовь, опеку, благодать.
А будущее предрекает
Мечты, что может и отнять.

Вопрос насущный — кем же быть! —
Откладываю раз за разом.
Все краски детства позабыть
Не может неокрепший разум...

Пока ещё пугливо прячусь
В заботы суетного дня...
Ну где же ты, моя удача?
Смотри, не прогляди меня!

Вдыхая нервно дым твоей сигары,
Я думала — ты гадко поступил,
Когда в своём прокуренном рок-баре
Ты на другую взгляд свой обратил.

А мне казалось, я почти влюбилась,
Пробившись через дружеский барьер.
Но почему и ты, скажи на милость,
Как все — банальный пошлый лицемер?

Пускай несётся в адрес новой дуры
Твоих словес любвеобильных дым...
Неужто безразличен вид мой хмурый
Тебе, кто был так нежно мной любим?

Моя любовь в душе перекипела...
Я пальцем покрутила у виска,
И новую дурёху пожалела,
Достойную такого дурака!

Ты уже не заложница тела,
Ты проснулась, и ты ожила.
Ты восстала, как феникс из пепла,
И не будешь такой, как была.

Рассчитаешься щедро с врагами.
Мечь черна и взлелеяна сердцем.
Эта мечь в тебе зрела веками...
Но закончилось дерзкое детство!

А пока наблюдай безучастно
За агонией взрослого мира...
И да будет твой взгляд беспристрастным,
Не творя себе в жизни кумира!

ЖИЗНЬ

Жизнь мимо несётся, как бурный поток,
Разбитое сердце — разбитое чудо.
Никак не смириться, что мир так жесток,
В нём кровь, как вода, проливается всюду.

Побольше души да поменьше злодейств —
И сердце, и разум об этом мечтают.
Столкнувшись с барьером людских лицедейств,
Надежды на счастье безжалостно тают.

Врагам и друзьям все лукавства прощу,
Попав в западню бесполезного круга.
Но снова ошибки-вериги тащу
И твари последней готова стать другом.

Улыбчива и безмятежна на вид,
Пройду сквозь огонь, сквозь обман и увечья.
И снова душа в небеса воспарит.
Ведь что есть добро — не душа ль человечья?..

ТРАГЕДИЯ ИЗ НИЧЕГО

Швыряй на ветер, словно годы, фразы:
Ведь рокерам к тому не привыкать.
Кричи, что все вокруг — сплошные мрази,
Кричи про мать, а также перемать.

Из ничего трагедию раздуем...
Ведь ты вульгарной пошлостью пленён.
А я, увы, из касты чистоплюек,
Из коей рокеры не выбирают жён.

Уж много лет, как длится эта пытка —
Попытка быть во всём самым собой.
Я только саркастической улыбкой
Могу тебе помочь, любимый мой.

ВЗЛЕТАЯ НАД ПРОШЛЫМ

Никак не могу обрести я покоя,
Струится цианисто ревность по венам.
Я перед судьбой — как солдат перед боем,
К победам готовый — равно и к изменам.

На сердце — предчувствие скорой разлуки.
В весёлых глазах поселилась усталость.
А люди — актёры надуманной муки —
Опять репетируют пошлую жалость.

Под маской сарказма я снова спасаюсь.
Зачем горевать, что все люди продажны?
А я разве лучше? Вздохну и покаюсь,
Пусть Бог мне простит, остальное — неважно.

Кому-то боль первой любви растворяет
Такой милосердный цианистый калий.
А кто-то, рыдая, с высоты шагает
В небесные и непостижимые дали.

Ты лжёшь мне в глаза, я не спорю с тобою,
Измены предательский привкус изведав.
Но перед судьбой, как солдат перед боем,
Над прошлым взлетев, окликаю победу.

ОЛИМП ДЛЯ ГЕНИЯ

Олимп, где, прочим бездарям на зависть,
Пируют те, кто прославлял страну.
Здесь гении из праха возродились,
И жизни их стояли на кону.

Не пощадил их век наш быстротечный.
Ведь жизнь не расположена к добру.
И современность ей важней, чем вечность,
И хеппи-энд всегда не ко двору.

Моя мечта — стать им своею в доску,
Хоть не поэт я, а простой придурок,
Поговорить с небритым Маяковским,
Терзающим свой тлеющий окурочок.

Есенину пожать покрепче руку.
Назвать его по-дружески Серёжей.
Есенинской лирической мукой
Все наши души русские похожи!

Со Львом Толстым поговорю о славе,
Она порой над смертными смеётся.
А повезёт — сам Пушкин мне лукаво
И солнечно, как мачо, улыбнётся.

Ведь для меня они живее многих,
В убогой современности живущих —
Жующих, словоблудствующих, пьющих,
В пустопорожней суете снующих.

У них прошу совета и подмоги,
Хоть, говорят, они не всемогущи.
Все гении, хотя порой и строги,
Но очень сострадательны к живущим.

СУДЬБА ПОЭТА

Михаилу Корюкову

Поэтам суждено гореть,
Искриться, как протуберанцы.
Нет, мне не страшно умереть,
А страшно мне с тобой расстаться.

Поэта слово прогремит,
И пусть же, как нобелиаты,
Мы совершим в Стокгольм визит,
О чём мечтали мы когда-то.

Что жизнь поэта без мечты?
Она одна согреет сердце.
Но главное: есть я и ты.
Куда нам друг от друга деться?

Мы будем между звёзд бродить
По галактическим осколкам.
Урал не может не любить
Свою единственную Волгу!

Памяти Валентина Распутина

Воспоминания о Вас не подлежат забвению,
Пусть даже доживу я до седин.
Эпохи технотронной откровение,
Вы есть, вы будете, Распутин Валентин.

В литературе ничего не ново.
Но в мир иной ушли Вы столь некстати!
Побеждена негромким Вашим словом,
Я не найду вам равных в результате.

Я не прощалась никогда с Матёрой,
Урок французского сменяется английским...
Я думаю, что мы поймём не скоро,
Что к бездне не подходят слишком близко.

Чему Вы научить меня хотите?
Спасать Россию иль самой спастись?..
С укором из учебника глядите,
А тот учебник написала жизнь.

ДВОЕ

Облюбовав для строк двадцатый век,
Не рассчитав по-богатырски силы,
Они гадали — что есть человек
В мятущейся, растерзанной России.

Один прославил русскую деревню.
Другой лишь Революции был верен.
Один любил Россию, как царевну.
Другой в любви к России был умерен.

Пусть кудри одного подобны злату.
Второй черноволос, горлан циничный.
На гениев Россия так богата,
Но судьбы их России безразличны.

Их было двое, двое слишком разных.
И в то же время двое столь похожих.
Но образ той эпохи несуразной
Их волей и талантом подытожен.

А вы стояли на краю обрыва,
Где каждый вспоминает о своём?..
Осенний день — тоскливый и дождливый.
Листва вокруг, гори она огнём...

Ах листья, листья, что огнём горите?
Кто inferнальным взором вас прожёт?

Кто профессиональный искуситель
И совершил змеиный свой бросок?

Кто этот демон, властный надо мною,
Плеснул в бокал кровавое вино?..
Кто соблазнил, как яблоком, мечтою?..
Плевать, что вместе быть не суждено.

Бедою мне не быть! Вернусь с победой!..
Бесчестия не надо? Будь в чести!
Грешить боишься? Значит, исповедуй.
Моим не будешь. Значит, отпусти...

Валентину Устинову

Есть новости — от них спасенья нет...
Ты навсегда ушёл... И пепел
Всех недокуренных тобою сигарет,
С небес, как снег, летит, крылат и светел.

О чем мечтал ты в двадцать лет, отец?
О доблестях, о подвигах, о славе?
Ты теплоту остуженных сердец
Будил, я осуждать тебя не вправе

За то, что был ты от меня далёк.
За то, что ты не знал мои печали.
Что от разлуки долгой ты продрог
И счастлив был в разлуке той едва ли.

И за стихи, что ты не дописал,
И за любовь, не ставшую судьбою.
За те слова, что ты мне не сказал,
За женщин, недолюбленных тобою.

АЛЛЮЗИЯ НА ЛУКОМОРЬЕ

У Лукоморья дуб зелёный...

Вот ты какой — хвалёный дуб зелёный!
Хоть неказист, зато весьма удал.
Там каждый кот — не просто кот учёный,
А прямо-таки интеллектуал.
На каждом дубе — золотые цепи.
Под каждым дубом — чёрный мерседес.
Русалки оккупировали ветви —
У них там свой интимный интерес.

Там интеллектом гопота исходит,
По падикам сидя на кортанах.
И речи заунывные заводит —
Про космоэкзистенций тлен и прах.

Самарское лихое Лукоморье
На тридцать три версты сквозит окрест.
Там каждая берёза на просторе
Поистине — невеста из невест.

Там на кривых заснеженных дорожках
Тебе охотно прикурить дадут.
Пока ты оклемаешься немножко,
Айфон твой трижды перепродадут.

Там восьмиклассницы, прекрасны ликом,
Вскрывают вены наперегонки.
Плейбои там исходят бабьим криком,
Их даже бить по морде не с руки...

Чего греха таить, и я была там,
С поэтами пила не только мёд.
И крыла всех пятиэтажным матом...
Кто был в Самаре — тот меня поймёт!

Я с жизнью играю ва-банк.
Ведь я осознала не вдруг,
Что каждый завистливый — враг,
А враг — это лучше, чем друг.

Любимый ступил на порог
И стал испытанием меня.
Зато научить меня смог
Быть льдиной в объятьях огня.
Мой друг, ты меня насмешил
И сам себе нынче не рад...
Ты стать мне врагом поспешил,
Быть другом страшнее в сто крат.

СЕССИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

От лекций вроде отстрелялась,
Грозится выпить кровь курсач.
Пока я музу дожидалась,
Явилась сессия — хоть плачь.

Червивый препод отыгратья
На всех красавицах решил.
Мол, не хрен мне во снах являться,
Я вас об этом не просил.

Зато другой — красивый! — препод
Легко поставил всем зачёт.
Уж лучше бы поставил неуд,
Я бы к нему пришла ещё.

Видать, того и побоялся
Красивый препод — вот урод!
Хотя на лекциях смеялся,
Грозил, что вкатит незачёт.

Обломы без конца и края.
Опять не в лад и невпопад:
Уроды-преподы гоняют,
Красавцы ставят автомат.

ПРИЗНАТЬ И ПРИЗНАТЬСЯ

На кафедре так тихо и просторно.
А на душе печально и протяжно.
Я захожу к нему с улыбкой вздорной
И говорю невнятно о неважном.

Меня любовь к нему грызёт и греет.
Он тоже рад, хотя смущён немного.
Когда же наконец он осмелеет —
Его смущенье выглядит жестоко!

Я напоследок снова выдам колкость.
Он снова улыбнётся виновато
И снова не поверит мне нисколько,
Что я пришла не ради реферата...

ЭПИНЕФРИНОВАЯ СКАЗКА

К нашим бедам и глухо, и слепо,
И жестокосердечно подчас,
Равнодушное зимнее небо
Сложит грустную сказку о нас.

Мегаполис кипит, гроыхает
И накручивает выражи.
От себя самого убегает,
Всё сильнее увязая во лжи.

И в объятых промозглой метели
Догорает лучистый романс.
Что есть жизнь наша в самом-то деле?
Резонёрство? Резон? Резонанс?

Паутину тщеславных ироний
Исцеляющий эпинефрин?
Как остался ты — сам ты не понял! —
С этой жизнью один на один?

СЧАСТЬЕ ВОПРЕКИ

Мне в гордом городе на Волге
Дана волшебная юдоль.
Да не гляди в глаза мне колко!
Ты для меня теперь не ноль.

Величина со знаком минус,
Ты плюсами не обростёшь.
Пусть даже три столетья минет,
Другую ты не обретёшь.

В потёртой рокерской кожанке
Я рассекаю в Запанском.
И, как заправская волжанка,
Клянусь, любя, родимый дом.

Вчера заметили на Стошке
Девчонку, схожую со мной.
И каждой подзаборной кошке
В Зубчаге стала я родной.

В моём смятенье скрыта сила,
Так виски сладковат на вкус.
И в инстаграм я загрузила
Сто фоток про любимый вуз.

А в чём же мой секрет веселья?
Живу в печали, не скорбя:
Одной ноябрьской метелью
Мне город подарил тебя.

С таким подарком небо глубже,
И выше чаек хоровод.
И в каждой непролазной луже
Я вижу солнечный восход.

ПЕРЕДЕЛКИНО

Я могла бы к Переделкино прибиться,
Водку пить и никотин курить.
И у здешних старожилов научиться —
Прожигая жизнь, уму других учить...

Никогда на жизнь свою, мой друг, не сетуй.
Не всегда ты будешь молодой.
Пусть тебя одарит светом речка Сетунь,
Рыбой, рифмой, звонкою водой.

Я брожу по Переделкино приبلудой
И не сетую на Сетунь. Боже мой!
Хоть писатели — последние паскуды,
Но мне нравится такую быть самой.

Как же в нас так уживается всё это
И нахально называется стишком —
Акварельность дерзкой лирики поэта
И цинизма ледовитый снежный ком.

СЛАБОЕ МЕСТО

Старательно отводит взгляд
И держится сурово.
Какой он гад и ренегат
В хорошем смысле слова!

То мёдом сладко льнёт к губам,
То недопитым ядом.
И говорит: «Не надо драм!
Вот только драм не надо!»

Я потому и посемену,
Чтоб быть ещё дороже,
И больше нравиться ему,
Такой же стала тоже!

ПОДПОЛЬЕ

Здесь хлещут самопальный самогон.
Здесь неформат пентхаус и джакузи.
Давай ещё шавермы навернём
И пьяного бармена отвалтузим.

Клиенты плачут в тридцать три ручья,
А персонал исходит нервным стоном.
Принцесса в синих дредах — это я —
Снимает надоевшую корону.

Не надо ей ни водки, ни вина,
Ни косяков чумного сигаретья.
Вчера ещё юна и влюблена,
Она взрослее стала на столетье.

Поэтами себя надменно мним,
Тусовочно прокуренные рожи.
Мы жизнь на ровном месте усложним.
Зачем? Да по-другому мы не можем.

Налей-ка, что ли, бармен, самогон!
Ментовские забудем заморочки!
В моей душе, поставленной на кон,
Пульсируют несбыточные строчки...

НЕНАПИСАННОЕ ПИСЬМО

Во царстве моём государстве
Владычество вьюги седой.
Покуда колдую с лекарством,
Почтовый свой ящик открой.

Фейсбук, инстаграм — что угодно! —
Открой и припомни наш спор.
Так глупо и так благородно
Я первой зарюю топор.

Ты снова во власти сомнений
И шпагу зарыть не спешишь,
Как миром не признанный гений,
С ехидцей про мир говоришь.

Опять независимо выдашь
Одну из убийственных фраз.
И душу сдает обида,
И дурость твоя напоказ.

Панельная клавиатура,
Языческих знаков семья.
Где каждая буква не дура,
И дура последняя — «Я».

Компьютера жёсткая память
Не хочет, не может понять,
Что как это просто — «Отправить»
И как это сложно — «Принять».